

18+

ГАЛИНА АСТАШИНА

ТАЙНЫ
ЖЕНСКОГО
КЛУБА

Галина Асташина
Тайны женского клуба

«Издательские решения»

Асташина Г.

Тайны женского клуба / Г. Асташина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989551-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В выходные дни в лечебном корпусе мединститута тишина и покой. Оставшиеся в больнице женщины не скучают: образовав свой мини-клуб, они откровенно делятся событиями своей жизни: любовью, горестями, счастьем и, конечно, тайнами. Но как сложатся их судьбы? Решать вам, дорогие читатели.

ISBN 978-5-44-989551-6

© Асташина Г.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тайны женского клуба

Галина Асташина

*У человека две любимые игрушки —
собственная судьба и чужие чувства.*

Омар Хайям

© Галина Асташина, 2020

ISBN 978-5-4498-9551-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Марина

Сегодня я дежурю по палате. После вечернего обхода дежурного врача мне надо обойти моих прелестных дам, которые останутся в больнице на выходные дни, и напомнить им о нашей затее, так как завтра суббота, значит, состоится первое заседание нашего маленького женского клуба. Но все по порядку...

Итак, впереди два абсолютно свободных дня. Свободных от больничных порядков и обязательных процедур. Какое же это счастье... Как славно, что я останусь в больнице и не поеду домой. Два денька настоящего курорта! Тем более что у меня нет абсолютно никакого желания ехать домой: пусть мои близкие от меня отдохнут. Да и, сказать откровенно, хотя я люблю своих домашних безмерно, но иногда чувствую усталость от них, хочется тишины, покоя, общения с новыми знакомыми – как интересно окунуться в чужие проблемы, посмотреть на свою жизнь со стороны, снять с глаз этакую зашоренность. Поэтому прочь из головы заботы и перипетии семейной жизни.

Все мои домашние предупреждены: в выходные дни ко мне никаких визитов. Холодильник у меня забит вкусностями, книг – полная тумбочка. Телевизор и приемник есть, проигрыватель тоже, что еще нужно для отдыха? Правильно, хорошая компания...

Дежурит завтра и в воскресенье Ирочка, прелестное дитя, умница, ладненькая такая, всегда спокойная, приветливая, говорит тихо, всегда с улыбкой, уколы делает мастерски. Она учится во втором медицинском на уролога. После учебы наверняка останется в этом же отделении и на этой же кафедре. Для меня она настоящий идеал невестки.

Мой благоверный наверняка два полных дня будет валяться на диване, вздыхая, смотреть все подряд спортивные каналы или старые криминальные фильмы, которые он может смотреть целыми днями, даже с середины. А вечером непременно будет ворчать, что ему ужин никто вовремя не подогрел, чай не вскипятил, свежей заварки нет, короче, будет себя отчаянно жалеть, ибо все его, бедного и несчастного, мужа одинокого и голодного, внезапно покинули. И теперь он, брошенный на произвол судьбы, должен мириться в одиночку со своей тяжелой судьбой.

Свекровь непременно поедет к подруге на другой конец Москвы, ей уже пора сплетничать о наболевшем. Это понятно! У нее тоже должна быть своя личная жизнь и тайные интересы. Как говорят: «Личное, оно не лишнее».

Сынок, единственный наследник всей семьи, по всей вероятности, после завтрака намылится к друзьям сражаться с компьютерными монстрами, а вечером у него свидание. У него каждый вечер свидания. Не подросток, а настоящий Казанова! Удивительно, в кого же он такой любвеобильный? И как у него хватает энергии на два одновременных романа? Мой «младой рыцарь» не успевает на звонки отвечать.

Боюсь, что его амуры весьма плачевно закончатся: или расцарапанным лицом, или незапланированными визитами девиц к нам домой, чтобы объявить мне, мужу и свекрови, да и сынку заодно, о своей неожиданной беременности. Господи, спаси и сохрани меня от такой правды жизни! Ну куда ему жениться – еще только в девятый класс пошел! Вся жизнь впереди!

Не представляю, кому он в настоящее время из девиц морочит голову, какая у него на данный момент пассия. Подробности, при всем моем рвении, узнать у него не получилось: буркнул мне что-то себе под нос, типа: «Мам, все супер! Забей!», и все на этом.

И как я должна на это реагировать? Я и лекции ему читала о случайных связях, и книги разные о проблемах его возраста подсовывала – все бесполезно. Вот и воспитывай такого шало-

пая! Но ничего не скажешь: парень у нас с мужем вырос, возмужал, и объективно говоря, стал очень интересным. Девиц-то я понимаю!

Хорошо еще, что этот гулена учится прилично. Все-таки девятый класс. Экзамен! С учебой у нас в семье забот нет, наш папа – большой знаток всего на свете, настоящий энциклопедист, он сыну частенько помогает. Но на носу у того экзамены, а сынок даже не чешется, у него, как он любит выражаться, « все схвачено».

Всем, кто по каким-либо причинам остался в палате и не поехал домой, никто не будет мешать: дежурный врач на все отделение один, в субботу и воскресенье он сидит в приемном покое, ему не до нас, к нам он только вечером забежит. И то может пропустить «свидание» с нами, бедными. А если навестит, то без особой заинтересованности спросит, у кого температура, и на этом обход закончится. А может, вообще, пройти мимо нашей палаты. Других врачей в отделении нет и в помине.

Думаю, что и в других отделениях мединститута в выходные дни, как у нас в урологии, тишина и спокойствие: никаких процедур и прочей гадости. Не надо сидеть в очереди к специалистам и по пятому разу повторять, когда появились признаки заболевания, что больная принимала, – как будто нет в амбулаторной книге записей дежурного врача при нашем поступлении.

А теперь о нашем так называемом «клубе». Инициатива его создания принадлежит мне как аборигену этой обители. Я уже третий раз здесь наблюдаюсь. (Проклятые камни в почках! И почему они не драгоценные, а противные, жутко колючие и болезненные. Будь они неладны!)

Сколько раз на моей памяти пациентки в выходные дни скучают, жуют что ни попало или беспрестанно общаются между собой о своих болячках. Как им только самим это не надоедает, да и сколько можно смаковать свои болезни!

И тут я вспомнила, что когда-то совершенно случайно, стоя в тамбуре поезда, куда вышла покурить, невольно услышала разговор двух женщин. Одна из них, молодая шатенка, поправив очки, которые все время сползали у нее на нос, пристально рассматривая мелькавшие за окном пейзажи, спросила свою визави:

– Вот меня всегда занимал один вопрос: «Почему большинство людей бывают настолько откровенны со случайными знакомыми, почему искренне посвящают их в свои тайны, помыслы и намерения?»

Женщина, стоявшая напротив «молодой шатенки», немного подумав, ответила так:

– Думаю, это происходит, потому что и те и другие подсознательно знают, что вряд ли они встретятся где-нибудь снова. По логике, не должны. Поэтому смело доверяют сугубо личное и самое сокровенное случайным людям.

А все, услышанное вами, так и останется при вас: чужие тайны нет необходимости и незачем кому-либо сообщать: ведь это чужие тайны. Я вам скажу больше: со случайными знакомыми можно не только смело откровенничать, но допустимо присочинить или приукрасить что-либо из биографии».

Вот тут у меня и родилась мысль: а почему бы нам, оставшимся в выходные дни в отделении, не собраться в одной из палат, напиться вдоволь крепкого ароматного чая с шоколадными конфетами или пирожными, – да бог с ней, с диетой! – послушать красивую расслабляющую музыку, а потом предаться воспоминаниям.

Уверена, что у каждой женщины есть то, чем она захочет поделиться, то единственное, самое-самое, что никогда и никому больше не расскажешь. О первой любви, случайных встречах и роковых совпадениях. О веселом и грустном. Запретов никаких: говори обо всем. Ведь для каждой из нас счастье – понятие свое, сокровенное.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Татьяна

Марина: Итак, когда все выспались и позавтракали, мы решили собраться в моей палате: она самая просторная и удобная. И в ней на выходные осталась только я одна, остальные разъехались по домам. Я накрыла стол и заварила свежий чай. Поставила радио на частоту, где всегда звучит прекрасная тихая, расслабляющая музыка. И стала ждать девушек. Для меня, правда, они все еще девочки, так как значительно моложе меня.

Первой появилась Татьяна. В руках у нее были какие-то сверточки, узелки, контейнеры для пищи, сверху над этим богатством высилась большая красивая пачка импортного чая. Разложив все ее запасы по тарелочкам, мы так и ахнули: стол был изобильным и очень соблазнительным. Середину стола венчала маленькая баночка красной икры, которая заметно подняла у всех настроение.

Вскоре к нам присоединились Юлия и Наталья, чуть попозже должны были прийти Машенька и Елена. Каждая из них внесла свою лепту в наше женское пиршество. Когда все расселись вокруг стола, мне было дано право открыть наше «заседание».

Марина: Дорогие мои девочки! Я так рада, что мы собрались вместе, вдали от удручающих забот и наших чудных родственников. Наконец-то мы поближе познакомимся, наговоримся всласть, под хорошую музыку побалуемся запрещенными нам продуктами, я имею в виду шоколад, копченую колбаску и торт с кремом.

Но прежде всего я хочу напомнить всем, у кого мочекаменный диагноз. Если кто-то из вас сегодня еще не принимал с утра баралгин, выпейте пару таблеток сейчас. Поверьте моему опыту, с этим препаратом наши бриллианты в почках будут спать, как дети в люльке. Тихо-тихо, и нас не потревожат.

Напомню тем, кто забыл, как меня зовут – Марина Владимировна, но для вас всех, просто Марина. Если что-то нужно, то обращайтесь без всякого стеснения.

Итак, мои дорогие, первой дадим слово Танюше. К ней сегодня должен приехать родственник мужа, и к четырем часам она должна его встретить внизу, в приемном покое. Никто не возражает? Ну и славно.

А теперь за стол и ни в чем себе не отказывать! От меня к нашему столу подарок: я вытащила из холодильника бутылку трехзвездочного армянского коньяка и водрузила ее на стол. Подмигнув всем, сказала: «Разливаем по чайным чашкам для конспирации, и в путь!»

Застолье началось на славу. Все милые дамы чуть-чуть порозовели, быстро освоились и, перебивая друг друга, подкладывали себе и соседкам сладости, бутерброды, шпроты, домашние салаты, запивая все это крепким ароматным чаем с армянским коньячком.

– Ну же, Татьяна, не стесняйся, дружок, здесь все свои. Говори, что хочешь, мы тебя внимательно слушаем.

Татьяна: Девочки, дорогие, я так... так рада, что мы вместе. Господи, и почему я так волнуюсь? Но вы меня простите, я не очень умею говорить на публику, может быть, что-то не так скажу, ляпну что-нибудь невпопад. Не судите меня строго. У меня всего-то восемь классов за спиной.

Сама я из Татарстана, родилась в поселке городского типа, он от Казани в тридцати километрах. В прошлом году мне двадцать три года стукнуло. Вот. А в Москве я только второй раз. Первый раз была еще когда в школе училась, мы с классом на экскурсию ездили. Как же мне в столице понравилось! Мне так снова хотелось приехать сюда, но не смогла: то одно, то другое. И вот надо же, как судьба распорядилась: чтобы вновь оказаться здесь, ей обязательно надо было послать мне болячку.

Мое путешествие по больницам началось с Казани. Меня положили в городскую больницу, а там хотели сразу на стол к хирургу – операцию делать. Соседка моя по палате говорит мне: «Не будь дурочкой, не соглашайся. Операция очень тяжелая. Им что, разрежут почку, вынут камень. А дальше то что? Через некоторое время он опять вырастет. Или в другой почке образуется. И что, так и будешь все время почки резать? Еще неизвестно, какое у тебя к тому времени давление будет и как сердце с щитовидкой выдержат. У меня, к примеру, давление без конца прыгает. И все из-за почек».

Я отказалась от операции. Моя соседка, которая учила меня уму-разуму, дала адрес мне этой клиники, вот теперь я здесь, с вами. Теперь жду, что врачи, вернее главный врач, решит, что со мной делать, какое мне лечение больше подойдет.

Все-все, девочки, поняла, о болячках больше ни слова! Лучше я о себе.

Грех так говорить, но мои родители, как бы вам это сказать, мне были как посторонние люди, по правде говоря, большой любви от них я не видела. В том смысле, что они оба очень сильно пили. Алкоголизм... Когда я еще маленькая была, я не понимала многого и ничего не замечала. А когда мне исполнилось двенадцать, ох как мне было стыдно за них! Я даже на улицу редко выходила. В нашем поселке все, как и в деревнях, жизнь соседей у всех на виду. Стыдобища одна – и перед одноклассниками, и перед соседями по дому. Скрывай – не скрывай, а люди все обо всех знают, все видят, и все это в каждой квартире живо обсуждается.

Отец мой был дальнобойщиком. Ездил в рейсы то по четыре, а то и по пять дней. Мать от тоски по нему каждый день прикладывалась к рюмке. Все чаще и чаще, больше и больше. Стала вещи продавать из дома... Срам такой, ужас просто.

Но самое удивительное, что родители мои, хоть и были алкашами, но чувств друг к другу не растеряли, они души друг в друге не чаяли, буквально на руках друг друга таскали. Когда отец возвращался из рейса, они как повиснут друг на друге, будто молодожены какие. И целуются, и милуются, и глядят друг друга, слова сердечные говорят, воркуют как голуби, а на меня – ноль внимания.

Тем временем какая-то из подружек шепнула матери, что у дальнобойщиков в каждом городе еще по одной жене есть, а может, и не по одной. Такие жены считаются «гражданскими». Вот и думай, дуреха, когда ты ему совсем надоешь, с кем он тогда останется.

И тогда матушка моя объявила отцу, что больше ни в один рейс его одного не пустит. Будет везде ездить с ним рядом. Во всем будет ему помогать, будет охранять добро, которое он возит.

Так с восьмого класса я стала жить самостоятельно.

А когда родители приезжали из рейса, они отсыпались почти сутки, а потом опять за свое принимались, без водки никогда за стол не садились. И бегали за ней, окаянной, наперегонки. Потом меня за этой отравой посылали. Я у них на посылках была, когда они уже были не в состоянии ногами двигать или что-либо связанное сказать.

Мать была счастлива – всегда и всюду с мужем. Да и скандалов промеж них никогда не было. Все удивлялись – ни одной драки, жизнь без ругани, без злобы – ничего такого у них не было. Бывало, идут они в обнимку по поселку, песни поют на два голоса, улыбаются всем, раскланиваются и не ведают, что вдогонку о них люди говорят.

На меня никто из родителей внимания не обращал, как будто я не их дочь, а так, нечто отдельное и неопределенное.

Конечно, надзора за мной никакого не было, училась я, честно говоря, еле-еле, да мне в шестнадцать лет и не до уроков было. Одни парни и танцульки в голове. На танцы ходила почти каждую субботу и воскресенье.

Забыла совсем сказать, что у меня ведь бабушка была еще жива. Моего отца матушка. Жила она недалеко от нас, но к нам очень редко заходила. Она, как и я, тоже стеснялась, что сын ее с невесткой пьют целыми днями, в квартире грязь, как в хлеву.

«Бедная ты моя, вот горе-то какое, не родители, а настоящие забулдыги, позорят и меня, старую, и тебя, внучка, ославили на весь поселок».

Бабушка меня подкармливала, конфеты покупала, а к празднику всегда мне новую обновку кроила. Шила она все на руках, машинок не признавала. И так красиво выходило у нее – загляденье!

Была она маленькой и худенькой, как птичка, вся светилась. А годы за ее плечами были прожиты приличные.

Собралась она как-то весной поехать к младшему сыну, к моему дяде, хотела посмотреть на него, на всю его семью, на внуков. Говорила, что едет к ним в последний раз. Как чувствовала: оттуда она уже не вернулась. Там ее и похоронили.

Как-то в середине полугодия, у меня как раз зимние каникулы были, в нашей квартире прозвучал настойчивый звонок, а потом забарабанили в дверь. Я пошла открывать, смотрю на пороге незнакомый мужчина стоит. И говорит мне: «Ты что ли Татьяной Емельчук будешь? – Я махнула головой, мол, я это. – Он представился и сказал: Я к тебе по делу пришел. Мы с твоим отцом вместе работаем».

Я пригласила его в комнату. Гость, не раздеваясь, присел на край стула и без предисловия поведал мне жуткую историю о том, как мои родители погибли. Сгорели они в машине. Причину пожара установили, а вот останков родителей так и не нашли. Да что сказать, на повторной экспертизе настаивать никто не стал.

Сослуживец отца сказал, что отец с матерью находились в контейнере, где было много всяких бутылей с горючей жидкостью. Они там праздник отмечали, пили водку, закусывали и курили. Кто-то из них, по всей вероятности, задел одну из этих бутылей и она стала подтекать. Наверняка от их непогашенных окурков все это и загорелось. Кто теперь точно скажет...

«Взрыв, – сказал гость, – был жуткий, несколько пожарных машин не могли долго справиться, тушили около двух часов. Все, что было в машине, превратилось в одну запекшуюся черную массу».

Осталась я совсем одна.

То ли с горя, то ли по дурости своей стала я чудить... Меня как черт крутил: вела я себя похабно... даже стыдно об этом говорить. Честно скажу: спала с кем попало. А все потому, что мне так остро хотелось тепла, заботы и любви. Хотелось все плохое забыть, хотелось большой настоящей любви. Как в красивых книгах о любви пишут, чтобы я встретила настоящего рыцаря, а он меня на руках бы носил. Друзей у меня и так было немного, но мне нужен был настоящий преданный только один друг. Чтобы он меня сильно любил, всегда жалел, всегда обнимал и целовал. Чтобы мы везде были вместе. Как мои родители.

Но ничего из этого не получалось: все мои кавалеры, как говорится, были только на одну ночь, никто из них не хотел серьезных отношений. День-другой, и исчезали они из моей жизни. А когда кого-нибудь из них я в поселке встречала, то они отворачивались, и даже не здоровались со мной, будто мы и не знакомы были.

И пошла гулять по поселку обо мне слава, что я, хоть и молода еще, а пробы ставить уже некуда.

Школу я бросила: надо было деньги зарабатывать на жизнь. Той пенсии, которую мне до восемнадцати лет положили в собесе, – Танюша шмыгнула носом, вздохнула и продолжила, – эти жалкие гроши пошли на выплату хозяину фуры за сгоревший груз.

В поселке, прямо скажем, оставаться мне не хотелось, да и нечего там было делать. Ни друга, ни любовника я так и не нашла, а подружек закадычных моя жизнь и вовсе не интересовала: у них были свои проблемы, свои заботы. Они, дурочки, только завидовали мне, что у меня больно богатый опыт общения с противоположным полом.

И такая меня тоска грызть начала, что в самый раз в петлю залезть.

Обдумала я все, и ничего лучшего не пришло в голову, как пойти служить в армию. В армии ведь и кормят, и обмундирование дают, и деньги, по-моему, платят. Решила я все обстоятельно выяснить, собралась поехать в Казань, в городской военкомат. Так и сделала. Приехала в столицу – и напрямиком в городской военкомат.

Но на собеседовании мне популярно объяснили, что девушки служат в армии по контракту с восемнадцати лет. А по документам мне только шестнадцать с половиной. Слишком рано я приехала. Вначале мне надо школу закончить, предъявить комиссии справку о среднем образовании, а затем пройти тест на физическую подготовку.

Инструктор, пожилой военный, долго мне объяснял нормативы по физической подготовке: сколько я раз должна отжаться на руках от пола, за сколько секунд пробежать стометровку и еще какие-то упражнения сделать за определенное время. Да еще и плавать я должна прилично... После этого мне надо будет пройти всех врачей, целую комиссию из специалистов – вдруг я по здоровью не подойду для службы.

Он мне еще что-то объяснял, показывал брошюры, убеждал, но я его слушала в пол—уха, потому что для себя я уже твердо решила: нет, все это не для меня. Не смогу я жить в казарме, ходить строем, бегать и прыгать, не смогу в людей стрелять.

Я вообще не люблю, когда мне что-то приказывают, конечно, в армии легче замуж выйти, но надо постоянно держать себя в форме, а я всякие ограничения терпеть не могу. – Нет, армия с ее дисциплиной и нагрузками не для меня. Мне лично абсолютно безразлично, какая у меня фигура, – худая я или толстая, – какая есть, такой бог создал, такой и буду. И зачем, скажите на милость, мне всякие отжимания, бег с препятствиями и прыжки в воду? По-моему, от спорта женщины только грубеют, становятся похожими на мужиков. Пусть армия подождет, а я в мирное время подыщу себе мирное занятие.

Сию я в коридоре военкомата и думаю, где бы мне пообедать поплотнее и подешевле.

В это время по коридору навстречу мне шла симпатичная молодая женщина с целым ворохом каких-то папок и бумаг, поравнявшись со мной, она попросила помочь ей: «Пожалуйста, помогите мне до канцелярии всю эту кипу донести, а то у меня уже руки затекли, боюсь, что все это хозяйство может упасть» – «Конечно, конечно, давайте я возьму сверху все бумаги, а то они сейчас все рассыплются, вот так, и дайте мне еще несколько верхних папок».

Познакомились мы с ней, она была заведующей канцелярией военкомата. Звали ее Алевтиной Николаевной.

Она посадила меня напротив себя и начала меня расспрашивать, откуда я приехала, как и с кем живу, короче, все о моей жизни. И, поверите, девочки, выложила я ей все про всю свою жизнь как на духу. И про смерть пьяных родителей, и про бабушку, которая очень любила меня. И про свои безумные поиски дорогого друга. И про то, что школу не закончила, а учиться уже мне стало в тягость. А все из-за того, что пропусков занятий у меня было больше, чем посещений. По правде говоря, я математику и физику ненавидела, и как ее? А... тригонометрию. И все потому, что многого не понимала в них, и чего греха таить, поэтому и учиться дальше не хотела.

Слушать Алевтина Николаевна умела. Ничего я не утаила от нее, ничего не скрыла. Когда я закончила говорить, она угостила меня чаем, подошла ко мне и ласково погладила по голове. А потом предложила поработать у нее в канцелярии, под ее личную ответственность и с испытательным сроком. «Работа, – сказала она, – не сложная, ты справишься, а я тебе все покажу и всему научу. Правда, зарплата у нас маленькая, но это уже не от меня зависит.

Ездить тебе каждый день в город и обратно, Таня, будет тяжело. Надо бы тебе в городе комнатенку снять у хорошей хозяйки. А еще лучше – поближе к военкомату.

Я, – сказала Алевтина Николаевна, – постараюсь тебе с комнатой помочь. Но уж и ты меня не подведи: ни у хозяев квартиры, ни здесь, на будущей работе. А самое главное – забудь

ты думать пока о замужестве! Поверь, девочка моя, с этим спешить нельзя. Все придет в свое время. Когда судьбе будет нужно, так и случится. Учись ждать!»

Через два дня я вышла на работу. После трудового дня мы с Алевтиной Николаевной пошли смотреть мою новую комнату.

Хозяйкой ее была пожилая женщина, седая, но с живыми, выразительными и очень добрыми глазами. Звали ее Полиной Андреевной. «Деточка, называй меня просто тетя Поля», – так она мне представилась.

И все-то мне у нее понравилось: в комнатах много цветов, стол у окна – сиди любуйся большой улицей, новыми домами. Кровати все застелены чистым бельем. На стенах фотографии родственников. За отдельную комнатку в своей двухкомнатной квартире брала она очень недорого. Только попросила меня не снимать фотографии, которые были ей очень дороги, и в «моей» комнате ничего не переставлять. В этой комнате, которую она мне сдала, жил и был прописан ее сын. «На войне он, в Афганистане», – сказала тетя Поля, и заплакала.

Сына она ждала ночью и днем, каждый день проверяла почтовый ящик и каждый раз вздрагивала, когда в квартиру кто-то звонил. Боялась, что тот, стоит кто-то за дверью, пришел с плохой вестью.

На следующий день, помню, это была суббота, я взяла из своей старой квартиры свои носильные вещи, фотографии бабушки, родителей и поехала к Полине Андреевне. По дороге купила нам с ней маленький тортик к чаю, цветочки для нее... и так мы душевно посидели и поболтали обо всем на свете, что даже не заметили, как на дворе уже ночь наступила.

Я осталась жить у нее. Мы с ней дружно жили, душа в душу. Да и сейчас у нас очень теплые отношения. Она такая славная женщина!

Всю тяжелую работу по дому я оставляла себе на выходные дни, чтобы помочь хозяйке постирать и приготовить, а от нее я много узнала о премудростях хозяйских дел.

По утрам завтрак готовила тетя Поля, провожала меня с улыбкой и добрым словом на работу, вечерами всегда встречала, стояла у окна и смотрела, как я к дому подхожу, вечером заставляла полный обед съесть. «Первое обязательно есть нужно! Ты же целый день на сухом мятке, а это для желудка плохо».

Перед сном мы любили с тетей Полей о жизни посудачить. По натуре она была женщина простая, но мудрая. Многому я от нее научилась, многое узнала о людях и так к ней привязалась, будто она мне родная была. Как бабушка моя или родная тетя.

Да, я у нее поправилась: нервы мне никто не мотал, за водкой мне бегать не надо было. В своем доме алкоголя тетя Поля не держала, жили мы ладно и спокойно. Когда я к ней только пришла, я была хуже заморенной лошади, а теперь, видите, девочки, какой я пышкой стала. Щеки розовые, волосы блестят, на душе спокойно.

Так прожили мы с тетей Полей год или чуть более. Мне уже восемнадцать стукнуло. А в моем родном поселке никто и не знал, куда я уехала, где я, что я.

Как-то раз вечером, я посуду мыла на кухне и пропустила звонок в дверь. Услышала голос хозяйки, она в прихожей с кем-то беседовала. Я выглянула: женщина средних лет, вроде незнакомая. Та вошла в квартиру, осмотрелась и спросила у меня имя и фамилию. Я ответила ей. А на душе стало как-то беспокойно. Она это почувствовала и говорит: «Татьяна, вы прописаны по такому-то адресу?» – «Да, говорю, точно. А что случилось?» – «Я юрист собеса и занимаюсь вашей задолженностью за коммунальные услуги». Оказалось, что я задолжала целую кучу денег почти за два года – она мне показала все коммунальные счета. «Мы, – говорит, – вас еле нашли, никто из соседей ничего толком о вас не знает, где вы теперь живете, учитеесь или замуж вышли».

Она предложила мне подписать документы, что я как сирота имею право на скидки по платежам. Все пересчитав на калькуляторе, она показала мне сумму. «Вот это надо немед-

ленно оплатить в сбербанке, а то вы можете лишиться своей жилплощади», – но для меня и эта сумма показалось огромной.

«А сколько вы получаете по потере кормильца?» – «Да, я ничего не получаю, так как пособие это я перевожу на банковский счет хозяина фуры, где мой отец работал, потому что именно его машина сгорела, хозяйская». Она мне объяснила, что владелец машины не имел права с меня что-либо удерживать. А суд ему обязан был отказать, так как вы круглая сирота. Тем более что деньги за груз и машину ему по страховке уже выплатили, таким образом, хозяин фуры меня обманул, незаконно получая деньги, которые предназначались только лично мне как сироте, потерявшей кормильцев.

Юрист из собеса решила мне безвозмездно помочь, но напомнила, что прежде всего необходимо погасить задолженность, а потом уже мы подадим в суд заявление. Хозяин машины должен вернуть мне все деньги до копейки, которые мне полагались до восемнадцати лет.

Когда мы с тетей Полиной проводили ее, я разревелась. Мне так обидно стало, что я такая недотепа, ни одного закона не знаю, что ни разу не вспомнила о комнате, где столько лет прожила, что напрочь забыла о платежах. И где мне теперь взять деньги, чтобы оплатить задолженность, да еще с процентами? Да и хозяин фуры хорош! Меня вокруг пальца обвел: знал ведь негодяй наверняка, что по страховке все свое обязательно вернет.

И кто, вы думаете, меня выручил? Да, конечно, тетя Полина. Я хотела ей расписку написать, а она на меня так посмотрела, что мне не по себе стало.

Мое двадцатилетие мы решили вдвоем справить. А вечером неожиданно к нам приехала Алевтина Николаевна. С подарками. Посидели мы втроем, а когда наша гостья уже собиралась домой, она неожиданно сказала: «Татьяна, хотела тебе завтра сюрприз сделать, но не могу удержаться. Сейчас все расскажу: я, девочка моя, уйду на другую работу. Завтра подписываю обходной лист и прощаюсь со всеми. На свое место я рекомендовала тебя. Ты со своими обязанностями прекрасно справляешься. Все тонкости нашего дела знаешь. Военком не возражает. Так что у тебя теперь будет свое «хозяйство», будь и впредь умницей. Я уж тебе и помощницу приглядела, завтра познакомлю вас. Ну, мне пора домой. Времени уже много, я поехала. До свидания, Полина Андреевна. До завтра, Танюша.

С этого момента в моей жизни наступили перемены, но не совсем такие, какие бы хотелось. А началось все с письма, которое тетя Полина получила от своего бывшего мужа. Он проживает в Питере, у него там другая семья, дети есть от второго брака, но с Маратом, сыном тети Полины, он тесно общается, они очень дружны и регулярно переписываются.

Чтобы не волновать и не расстраивать мать, так как у нее большое сердце и высокое давление, Марат написал письмо отцу прямо из госпиталя. Госпиталь для военнослужащих находился в Карелии. Лежал он там долго, так как у него было тяжелое ранение головы и ног. Слава богу, ноги спасли, ампутации не было. Правда, ему пришлось заново учиться ходить. А невролог, тот сообщил отцу Марата, что все последствия осколочного ранения могут проявиться не сразу, а через некоторое время. У всех все бывает по-разному. Но в данный момент состояние вашего сына стабильное, психических отклонений нет, и его можно будет через неделю-другую отправлять домой.

С одной стороны, я была очень рада за тетю Полю, а с другой – настроение у меня резко изменилось: ведь мне снова негде было жить. Надо было срочно искать новое жилище. Возвращаться в поселок? – Ни за что! Погрустили мы с тетей Полей и решили: пусть все будет как идет. Пока я живу в Казани, подыщу себе еще какую-нибудь комнату, а к Полинуске буду в гости приходить. Так я и сделала: нашла себе комнатку, внесла задаток, и стали мы ждать возвращения Марата.

Через некоторое время отец привез сына. Выглядел Марат отлично, не подумаешь, что он в госпитале больше полугода пролежал. Веселый, улыбчивый, интересный парень: красивое,

с правильными чертами лица, вьющиеся каштановые волосы. Правда, ростом он не вышел, он с меня росточком, но зато настоящий атлет, крепыш одним словом.

На меня он посматривал с явным интересом, болтал без умолку, и в первый же вечер пригласил меня в кино. Я, конечно, отказалась, намекнув, что нельзя маму оставлять после такой долгой разлуки, да еще в первый вечер!

Отец, немного погодя, распрощался со всеми и поспешил на вокзал за билетами. Он уже скучал по новой семье. И в тот же день уехал в Питер.

Я часто навещала тетю Полину, мы часто по заведенной традиции пили чай и рассказывали друг другу новости и всякие истории.

Я увлеклась чтением, записалась в библиотеку, а вечерами с удовольствием пересказывала прочитанное тете Полине. Бывало, что с нами проводил вечера и Марат. Он всегда внимательно слушал меня, а сам о своей фронтовой жизни молчал, никогда о ней не вспоминал и ничего не говорил. Он вообще стал очень молчалив и немногословен, и куда—то исчезли вся его веселость и улыбочка.

Помню, как-то тетя Поля уж больно его доняла: «Сынок, милый, прошу тебя, расскажи мне и Танечке что-нибудь интересное. Как там, где ты воевал, люди живут? Расскажи, нам же интересно, как ты воевал, что запомнил?»

Марат побледнел, потом схватился за голову и зло так прошипел: «Никогда больше меня об этом не проси, слышишь, мать, никогда! Я в аду был, в настоящем аду, который никому из вас, простых смертных, и не снился! Я был там, где только песок, кровь и смерть, тебе понятно?! Моли бога, что я жив, знаешь, сколько там моих братьев осталось... Ты не можешь даже представить, какая она, смерть! Видела бы смерть детей, их разорванные бомбами тела, видела бы такую разруху, как там, жуткую жалкую нищету, горящие села и развороченные тела убитых... Сколько таких, как я, ребят с ума посходило, сколько их погибло в плену... никогда меня не проси больше». Он схватился за голову и ушел, прихрамывая, в свою комнату.

Я быстро накинула пальто, простилась с бедной тетей Полей, которая молча проводила меня до двери и только горестно кивнула на прощание.

Со временем это забылось. В квартире, как и раньше, было покойно и тихо. Правда, у тети Полины частенько после этого случались сердечные приступы, но она принимала кучу всяких таблеток, которые поддерживали ее. Марат искренне волновался за маму, подолгу сидел с ней, гладил ее непослушные седые волосы.

Я каждый день заходила к ним, узнать о здоровье тети Полины, помочь приготовить обед, постирать белье, прибраться в квартире. Очень часто оставалась у них на ночь. Усталой, мне не очень хотелось на ночь глядя ехать на новую съемную квартиру.

В один из таких вечеров, когда тетя Полина заснула, Марат подошел ко мне и прошептал на ухо: «Мама крепко спит, пойдем, Тань, на лестницу, я покурю, а ты постоишь со мной. Нам надо поговорить».

Мы вышли. Он закурил, я тоже за компанию взяла себе сигарету. Курить я не умею: першит в горле, я кашляю и бледнею. Не умеешь – не берись. Это как раз такой случай. Мы стояли молча. Я ему напомнила: «Марат, ты хотел что-то сказать мне».

– Я помню, Таня. Давай поговорим о нас с тобой без лишних сантиментов. Я не умею красиво говорить о любви, не люблю телячьих нежностей. Короче, ты мне сразу понравилась. Ты мягкая, покладистая, спокойная, характер у тебя золотой. Как раз какой мне нужен в женщине. Ты мне очень симпатична, да и хозяйка хорошая... маму мою любишь. Так что, выходи за меня. Я не могу тебе ничего особенного обещать, но со мной будешь как за каменной стеной. Я человек надежный, в жизни много видел. Конечно, я постарше тебя, так это хорошо, это не помеха... Что ты об этом думаешь?

– Я не думала об этом, Марат! Как-то уж все быстро! Но, в принципе, я не против. Только у меня одно условие: я пышных свадеб не люблю и не хочу такой. Все это мишура и показуха. Да

и забот у нас с тобой будет много: матушка серьезно болеет, значит, ее надо будет определить в больницу на обследование. Может быть, нужна операция на сердце, ее надо показать кардиологам, да не одному, а нескольким. А все это больших денег стоит. Как мы с тобой справимся?

– Не волнуйся, все сделаем. Насчет свадьбы ты абсолютно права: показуха нам не нужна. Главное, чтобы между нами были мир и понимание. А завтра я с утра маме все расскажу: ну... о том, что мы решили пожениться. Жить ты будешь у меня. Так что попрощайся с новой съемной квартирой. Ну, все решено? Тогда пошли укладываться. Ты сегодня в маминной комнате поспи, она проснется и тебя увидит. Ей на душе полегчает.

Вот так я вышла замуж.

Прошло несколько лет. Жаловаться мне было не на что: я по-прежнему работала в канцелярии военкомата. Марат тоже работает там же инструктором.

Свекрови моей повезло: она получила в собесе квоту – и ей сделали операцию на сердце. Мы очень волновались, дежурили с Маратом поочередно, но, слава богу, все обошлось и теперь все уже позади. Чувствует она себя гораздо лучше. Приступов пока не было.

Алевтина Николаевна вышла замуж. Муж ее, по-моему, работает в министерстве обороны, и она переехала с сыном от первого брака в Москву. Она нам с тетей Полиной пишет, но не часто.

Одна у меня сейчас забота: мне, я уже говорила, в этом году уже двадцать три года исполнится, а вот детей у меня нет. Муж и свекровь так хотят девочку, а я ни разу еще не беременела. Врачи говорят, что надо лечиться. Вот с почками разберусь и вплотную займусь гинекологией, надо будет обязательно...

В этот момент в дверь постучали: «Девочки, куда Таню Юлдашеву дели, она ведь с вами сидела? К ней пришли, в приемном покое ее пожилой человек дожидается», – запыхавшаяся медсестра, всем улыбнулась и извинилась, что беспокоит нас. Все стали наперебой приглашать Ирочку попить чаю и перекусить с нами. «Спасибо, дорогие мои. Сейчас не могу, девочки, я к вам вечером загляну. Оставьте мне кусочек торта, как же мне хочется сладенького, просто ужас какой-то. Я только с собой две конфетки возьму. Ладно?», – сказав это, наша любимица убежала.

Из соседней палаты появилась Таня, в обновке, причесанная, с чуть-чуть подкрашенными губами.

– Ну как я вам, нравлюсь? Это у меня новый спортивный костюм. Я его впервые надела. Для вас только. Пойду со отцом Марата пообщаюсь. Он по своим делам приехал в Москву, а муж попросил его ко мне заглянуть, посмотреть на меня, если нужно, велел меня подкормить. А куда мне есть-то еще? Уже и так около девяноста килограммов набрала!

Марина:

Танечка, дружок, задержись—ка на несколько минут. Вот скажи нам, членам нашего мини-клуба, только честно: ты счастлива? Или бы хотелось что-то изменить в жизни?

Танюша присела за стол. Задумалась, похрустела печеньем и ответила нам: «Если сравнивать мою нынешнюю жизнь с детством и жизнью в поселке, я могу считаться счастливым человеком. А с другой стороны, меня постоянно что-то гнетет. И я знаю, что именно: по своему складу я человек веселый, общительный, люблю народные гулянья, застолья, с песнями, шутками, танцами. А дома мне очень и очень скучно: все у нас монотонно и однообразно. Один день похож на другой как две капли воды. Марат уткнется в газету или в телевизор, со мной практически не разговаривает. Одно и то же каждый вечер. Говорим только о болезнях. Ходим на цыпочках, тихо, тихо, чтобы мама не слышала, мы боимся ее беспокоить. К нам практически никто не приходит: в Казани у меня нет новых друзей, а Марату никто из старых не нужен. А без людей так скучно жить! Я смеха—то человеческого, задушевного уже не помню, когда в последний раз слышала. Без людей, без душевного общения так скучно жить!

Безусловно, я люблю и уважаю тетю Полину, она для меня родным человеком стала. Но свекровь очень слаба, ей говорить и то тяжело. Если бы у меня хоть ребеночек был, может, я бы не тосковала так, не чувствовала себя такой одинокой.

Если взять что Марата, что тетю Полину – они же намного меня старше. Они из других поколений. А меня тянет к сверстникам... Иногда так хочется пошуметь, пошалить... Мне порой становится понятно, почему Марат женился на мне: сам он от жизни устал, у него как будто душа умерла. А я вот она, здесь, рядом, и собеседница для мамы, и постоянная сиделка, да такая, которая и уколы сделает, и обед сварит, проследит, чтобы вовремя помыть свекровь, чтобы все было в чистоте. Такая сиделка не обидит, будет ухаживать с любовью, и сын будет доволен.

Не знаю, девчата, но если через два года у меня так и не будет малыша, куда-нибудь уеду. Далеко-далеко. Завербуюсь подальше, вдруг именно там встречу свое настоящее счастье.

Годы... как же они быстро бегут! А я до сих пор не знаю, что такое настоящая мужская любовь. У меня ведь ни одного настоящего свидания не было, ни одного поцелуя по любви, никто мне так ласковых слов и не шептал. А близость, простите меня за откровение, у нас с мужем настолько редка, что можно даже сказать, что ее как бы и нет. Стыдно об этом говорить, да и сам секс как по принуждению, бесстрастный, вялый, короче, без любви...

Девочки, дорогие, я пошла вниз. Свекор заждался. Неудобно его столько томить. Скоро буду. Вы без меня ничего не обсуждаете, ладно? С этими словами Таня спустилась в приемный покой, где ее ожидал отец Марата.

А мы, оставшиеся в палате, в полном молчании думали над ее судьбой, изредка прихлебывая чай с лимоном, который уже совсем остыл.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Юлия

Вскоре вернулась Татьяна с большим свертком, полным фруктов и конфет.

– Ох и хороши лимоны к коньячку, а главное никакого запаха. Вы на меня не обращайтесь внимания, я чаю себе налью. Вы-то, поди, уже напились! Она влила в кружку с чаем коньяк и отрезала себе дольку лимона. Давайте, продолжим. Ешьте апельсины, девоньки мои, их тут очень много, а то я боюсь пропадут, уже мягкие. Надо и Ирочке оставить. Ей после смены витамины нужны.

– Юля, настала твоя очередь, – сказала Машенька. – Все в сборе. Наш клуб ждет твоих тайн с нетерпением. Слушаем тебя внимательно.

Юлия:

Даже не знаю, с чего начать... ладно, как пойдет. Родилась я в Химках, в ближнем Подмосковье. Маленький подмосковной городок, семья со средним достатком. Мама работала в обычной московской школе, учила младшие классы и подрабатывала в группе продленного дня. Отец после окончания радиотехнического института так и остался в нем работать простым инженером.

Жила наша семья более чем скромно. Из всего нажитого богатства у родителей была только кооперативная квартира. Квартиру купили в Москве, в Северном Чертанове, так как они оба работали в центре, добираться до службы из Химок им было долго и неудобно. Долго ждали своей очереди, но таки дождались.

Кроме этой квартиры, ничего значительного и ценного в доме не было: ни машины, ни дачи, ни накоплений, ни драгоценностей. Да и откуда этому было взяться? Хватало только за квартиру выплачивать: первый пай родители внесли, а остаток растянули на десять лет. Нашу драгоценную квартиру ни пей ни ешь, а оплачивать нужно было аккуратно, то есть вовремя. Если какой-то месяц пропустишь, набегали проценты, и немалые, что было весьма ощутимо для семейного дохода.

Меня мама родила очень поздно, когда ей было больше сорока лет. Я появилась на свет, когда мать с отцом уже отчаялись и перестали ждать ребенка. И вот такая неожиданность...

Досталась я матери тяжело, роды были с осложнениями, она после них долго восстанавливалась. А отцу между тем уже было около пятидесяти.

Горбачевскую «перестройку» он еще пережил, а вот новый порядок, «ельцинский», так и не застал. Да, наверное, это и к лучшему. Ему вряд ли пришлось бы по душе новые перемены, кстати сказать, отец вообще никакие политические реформы не признавал, но об этом никогда не распространялся, помалкивал.

Остались мы с мамой вдвоем. Представьте, ей шестьдесят два года, а мне только-только двадцать стукнуло. Она на пенсии, здоровье ее пошатнулось, ей хотелось тишины и покоя, болячек был полный букет, половина холодильника забита таблетками. Я после школы еще никуда не поступала, но ей все время морочила голову, что занимаюсь на подготовительных курсах. Она верила всему, а я шмыг из дому, и скорее к друзьям-приятелям.

Мальчишки с ума по мне сходили, кавалеров было видимо-невидимо, любовь я крутила направо и налево. Бог мой, сколько же у меня было ухажеров! Одна компания сменяла другую. Дома было безумно скучно, музыку не включай, телевизор сделай потише, и все в таком духе, а тело с душой рвались в кафе, рестораны, дискотеки и ночные клубы. Хотелось путешествовать, лететь или плыть в дальние страны, любви хотелось до одури – жаркой, романтической, я всегда мечтала о нежнейших романах, как в книгах, даже еще трогательнее.

В то время был у меня один парень, он так забавно за мной ухаживал, но у нас с ним отношения были особые: он меня никогда и ни к кому не ревновал, да и я его тоже. У нас с ним, скорее всего, не любовь была, а нечто среднее между общими вкусами и большой симпатией друг к другу. Он учился в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза, на английском факультете, а затем перешел на отделение французского языка. Игорь, так его звали, очень солидно выглядел: ему можно было дать все тридцать, а мы ведь ровесниками были. И характер у него такой был замечательный. Короче говоря, он был ненавязчивым и добрым парнем. В постель меня не волок, но и обещаний никаких не давал.

Мы с ним были легки на подъем и очень похожи: обожали юмор, розыгрыши, разные приколы, короче говоря, веселились на всю катушку. И еще одна страсть нас объединяла – любовь к изысканной заграничной кухне. Во всех вновь открывшихся ресторанах мы были своими людьми, завсегдатаями. У Игорька денежки водились. А я у матери потихоньку таскала: она все равно никогда точно не помнила, сколько у нее в кошельке денег.

Чего мы с ним только не вытворяли! Особенно в летнее время. Сначала выбирали хороший дорогой ресторан, например «Будапешт», днем по телефону бронировали столик, обязательно с цветами: будто у нас помолвка. Соответственно наряжались, приезжали к ресторану на такси, шампанское уже в ведерке стояло, цветы благоухали. Заказывали все самое вкусное и самое-самое дорогое, ели, пили и чинно беседовали, а потом без конца танцевали. Через часа три, когда зал был полон шума и гогота, а от дыма нельзя было продохнуть, когда практически все посетители находились подшофе, вот тогда мы еще раз просили официанта, после горячего блюда принести нам еще одну бутылку шампанского, мороженое и кофе. И положить на стол счет.

Официант, довольный крупным заказом и надеясь на хорошие чаевые, удалялся, а мы с Игорем шли танцевать.

Я специально в свой прозрачный пакетик запихивала маленький клатч и оставляла его на столе или вешала на спинку стула.

После танцев, мы, запыхавшиеся и разгоряченные, выходили на улицу покурить. Швейцары, безусловно, за нами наблюдали, но мы были невозмутимы, трезвы, спокойно затягивались длинными американскими сигаретами, разговаривали тихо, достойно, без лишних эмоций, а когда наблюдатели переключались на других посетителей, незаметно отходили от дверей ресторана примерно метров на сто или чуть более, а потом все уже было делом техники и молодости: или проходными дворами, или бегом до Неглинной улицы, или на ходу ныряли в такси. Короче, растрясали жиры, драпая во всю от ресторана.

Хохотали потом целый вечер. Да много чего еще мы с ним придумывали... Если перечислять все наши похождения, можно не один роман написать.

А вот расстались мы с ним как-то нелепо. Игорь никогда меня к себе домой не приглашал. Я знала только, что он живет где-то на юго-западе Москвы, в обычной стандартной двухкомнатной квартире, в пятиэтажке, вместе с отцом. Про маму он никогда ничего не рассказывал. Может, она их бросила, может умерла, врать не буду – не знаю.

Мы с Игорем встречались всегда в центре, а в тот день он мне позвонил и попросил приехать к нему. Говорил в нос, кашлял, просил привезти ему пару пакетов молока и аспирин, сославшись на то, что отца дома нет, а к соседям ему заходить не хочется.

Конечно, я с радостью согласилась, – почему не помочь! Да и любопытство меня разбирало, хотелось посмотреть, как он живет и что у него дома. Уточнила его точный адрес и поехала. Приезжаю, звоню в квартиру – мертвая тишина. Меня никто не встречает. «Господи, что за дела? По-моему, я зря прокатилась». Я уже собралась уехать, вышла из подъезда, смотрю, а мой больной сам идет навстречу.

«Юленька, прости, солнце мое, я выскочил всего на десять минут по срочному делу. Но почувствовал, что ты где-то на подходе. Зайди ко мне и подожди меня немного, ладно? А то меня товарищ ждет. Я обещал ему, что быстро вернусь».

Мы вошли в подъезд. Игорь открыл дверь, а сам, не заходя в квартиру, напутствовал меня: « Не скучай. Попей чаю или кофе, в холодильнике найдешь чего-нибудь пожевать».

Пока моего друга не было, я самую малость подкрепилась и начала рассматривать квартиру. Обратила внимание, что в квартире нет ни одной женской вещи. В ванной комнате только один бритвенный прибор, лосьон после бритья, щетка и зубная паста. Ничего из парфюмерии женской не было. Да и отцовских вещей я не увидела: в платяном шкафу висели только вещи Игоря.

Квартирка небольшая, двухкомнатная. Дверь в маленькую комнату была закрыта. Я ее открыла и увидела раскладной диванчик. Все убрано, будто на диване не только не спали, а даже не сидели. Других спальных мест не было: ни раскладушки, ни кресла-кровати.

В углу маленькой комнатки стоял книжный шкаф, набитый до отказа книгами; больше всего было книг на английском языке. Но что-то необычное было в этой маленькой комнате. Вот в чем дело: книжный шкаф стоял не как у всех, вдоль стены, а наискосок, будто он что-то собой закрывал. Я изловчилась и посмотрела, что там, за шкафом. Там оказалась еще одна дверь. Передвинуть книжный шкаф я бы не смогла. Так я и не узнала, что там было, куда вела та таинственная дверь.

А впереди меня ждали новые загадки. Около окна стоял большой письменный стол. На нем с правой стороны громоздился огромный немецкий приемник «Телефункен», еще военных времен. Приемник выглядел хорошо, как новый, несмотря на то, что он уже был солидным антиквариатом. На приемнике лежали наушники. Правая сторона письменного стола, как раз под приемником, была вся в ящичках, маленьких, похожих на каталожные ящички библиотек. Приемник своей массой практически прикрывал их, поэтому я не сразу обратила на них внимание. Открыв верхний ящик, я обомлела: целая картотека, но не книг, – вы не поверите, – а всех знакомых, друзей и их родственников! Но все данные были написаны не на русском языке, а на английском. Вот это да, прямо шпионское логово!

Меня уже подстегивало время, и я решила поискать, есть ли в картотеке что-нибудь обо мне. Так как все имена и фамилии были на английском, я нашла ящичек с буквой S. Моя фамилия Степанова, значит, надо найти соответствующую букву.

Вот это сюрприз! Да здесь целое досье! Кстати, очень информативное, любой разведчик бы позавидовал. Когда и где, при каких обстоятельствах познакомилась, кто у меня родители, где живу. Точный адрес, телефон. Мои привычки. Слабости. Предпочтения. Мои любимые авторы, любимые художники, причем отдельно отечественные, отдельно иностранные. Мои увлечения. Работа. Учеба. (Здесь были пропуски). Перечислялись самые мои близкие друзья и еще много всего, вплоть до любимых блюд.

Интересно и загадочно! Зачем ему это? Для чего все это собирать – ответа у меня не было. Совершенно случайно мой взгляд остановился на окне, и я увидела сквозь тюль, что Игорь уже подходит к подъезду. Я рванула на кухню и налила себе кофе. Меня всю трясло. Почему-то я была испугана этими тайнами, самой квартирой, а главное – картотекой.

Когда Игорь вошел в квартиру, я не дав ему опомниться, с ходу заявила: «Игорек, как ты вовремя, а то я уже нервничаю – мне надо срочно домой. Я позвонила маме. А ей плохо. Сердце. Пока доеду... Выручи меня, подкинь на такси. Времени в обрез. Надо будет врача вызвать или „скорую“. Все, что я тебе привезла, найдешь в холодильнике».

Он полез в карман брюк, дал мне тысячу, а я, как метеор, выскочила из подъезда, на ходу всовывая руки в рукава куртки, и со всех ног помчалась к метро.

После этого визита наши встречи стали редкими. Он мне несколько раз звонил, но я под разными предлогами от встреч отказывалась.

Вот так нелепо мы с ним по жизни разошлись.

Юля налила себе чаю, аккуратно положила в него ломтик лимончика и, жуя печенье, продолжила: «Даже не могла себе представить, девочки, что так разволнуюсь. Представила все так ярко, будто вчера это было. Кстати, когда я приехала домой, маме, на самом деле, было плохо. Пришлось ей «неотложку» вызывать.

«Все, я перекусила, – она салфеткой вытерла губы, попудрила носик и сказала: итак, как любил говорить Карлсон, который живет на крыше: «Продолжаем разговор!»

Однажды со своей компанией мы зависали в «Жигулях», в пивном баре, недалеко от Кутузовского. Народу там было видимо-невидимо. Однако мы, – нас было человек восемь, – умудрились проникнуть без очереди. Сдвинули две тумбы, набрали пива и соленых сушек. Стоим пьем, беседуем, покуривая втихомолку, и незаметно доливаем в пиво водочку. Примерно через час к нам подкатился и рядом с нами пристроился парнишка, совсем еще щенок, ему не больше шестнадцати-семнадцати было. Мы уже под порядочным хмельком находились и на него ноль внимания. А он так по-свойски говорит: «Челы, и зачем же вы эту дрянь пьете? Хотите почувствовать настоящий кайф? Я вам крэка чуть-чуть скину по дешевке, попробуйте, всего-то нужно по одному шарикку на брата. Будете довольны. Как презент вам и ложечка полагается, чтобы подогреть его зажигалкой, а пары надо нюхать, кому это неизвестно. Или прямо покурить сигаретку. Клянусь, будет о чем вспомнить. Пока вы в адеквате, запомните, кому когда-нибудь понадобится, заходите. Я здесь частенько бываю. Скажете гардеробщику, мол, Студент нужен, он меня быстро найдет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.